

Мысли правого министра вернулись к той ночи.

В боковом дворе, освещенном мерцающим светом свечей, звуки ударов хлыста о плоть раздавались ритмично и жутко. Мин Чжэнь был одет лишь в легкую одежду, его спина была прямой как бамбук, не желавший гнуться под ветром и снегом.

Холодный пот пропитал его волосы у висков, кровь начала просачиваться через тонкую одежду, но он не издал ни единого стога.

"Господин," - палач остановился и тихо доложил.

"Можешь идти."

Мин старший отпустил всех слуг и медленно подошел к своему сыну. В тусклом свете лицо Мин Чжэня было почти прозрачно белым, только его глаза оставались непреклонными.

"Похоже, ты твердо решил и не собираешься менять своего решения."

"Да," - голос Мин Чжэня дрожал от боли, "Прошу вас, отец, благословить меня."

"Благословить?" - в голосе правого министра скрывался гнев, но еще глубже - трудно выразимая тревога, "Что за чары наложил на тебя принц Руй? Ты должен понимать - служить императору все равно что служить тигру, даже самая близкая подушка не исключение. Эти клятвы и обещания ничего не значат перед властью. Я твой отец, могу ли я причинить тебе вред?"

Мин Чжэнь тяжело дышал, но его взгляд пересек отца и устремился в окно, в непроглядную ночь, словно мог пробить стену и увидеть тот фонарь, оставленный для него во дворце принца.

"Отец, Ваше Высочество никогда не давал пустых обещаний. Будущее покажет."

Он повернул взгляд на напряженное лицо отца: "Я знаю, что ваше испытание направлено на проверку отношения Императора. Почему бы не попробовать подойти с другой стороны - через Его Высочество? Возможно, вы получите лучший ответ."

...

"Господин Мин?"

Уважительный голос придворного врача вернул Мин старшего из воспоминаний. Перед ним был ярко освещенный главный зал, где неподалеку стоял принц Руй Ли Чжао.

"Я прибыл по приказу Императора осмотреть господина Мин Чжэня," - снова поклонился врач.

"Благодарю," - правый министр слегка кивнул, вернув себе достоинство важного государственного деятеля.

Ли Чжао сделал шаг вперед: "Как удачно, я пойду вместе с лекарем."

"Ваше Высочество."

Едва он двинулся, как его остановил голос позади.

Ли Чжао остановился и обернулся. Правый министр не смотрел на него, его взгляд был устремлен в пустоту, словно он разговаривал с сыном из своих воспоминаний или просто констатировал простой факт.

"Ваше Высочество," - медленно произнес он, словно взвешивая каждое слово тысячи раз, "Все говорят, что мой сын - это образец мягкости и мудрости, и это правда. Но с другой стороны, он с детства горд и самоуверен. Какими бы родители ни были, они всегда желают своим детям спокойной и успешной жизни."

В зале на мгновение воцарилась тишина, слышно было только едва различимое потрескивание свечей.

Ли Чжао повернулся к этому внезапно проявившему редкую слабость имперскому канцлеру и торжественно ответил:

"Мои пожелания совпадают с желаниями правого министра."

"Я тоже хочу только одного для Мин Чжэня - спокойной и успешной жизни." Он сделал паузу, его голос, хотя и не громкий, нес в себе проникающую силу спокойствия: "Эта мысль, этот порыв - раньше так, сейчас так, и в будущем никогда не изменится. Только одно вы сказали неверно."

Ли Чжао посмотрел на правого министра чистым взглядом: "Мин Чжэнь действительно талантлив, но никогда не был высокомерен. Возможно, вы не знаете, иногда дерзкие идеи приходят мне, а те, кто может их воплотить в реальность, всегда был Мин Чжэнь."

Это не было критикой, это было неизбежным следствием того, что он был путешественником во времени. У него были идеи и планы, опережающие свое время и казавшиеся радикальными.

И по мере развития событий Ли Чжао четко понимал, что реформы могут быть инициированы им, но чтобы они соответствовали текущей эпохе, этим должен заниматься человек,

рожденный и выросший в этой эпохе.

Хотя в этой жизни он тоже вырос в Да Шэне, первые впечатления все же отличались, он не мог не сравнивать.

Ли Чжао следовал за лекарем через коридоры поместья Мин. При закате резиденция казалась более торжественной и тихой, закатные лучи удлинляли тени, а издали доносились приглушенные кашель, добавляя тишине некоторую меланхолию.

Слуга-проводник остановился у тихого бокового двора и, склонив голову, доложил: "Ваше Высочество, лекарь, господин находится внутри на отдыхе." После этого он поклонился и отступил в сторону.

Войдя во двор Мин Чжэня, сердце Ли Чжао немного успокоилось. Хотя он и знал, что это была информация, распространенная Мин старшим, но до тех пор пока не увидел человека собственными глазами, он не мог полностью расслабиться.

В комнате стоял запах лекарств, горький с легким намеком на запах крови. Свет свечей был неярко, лишь несколько источников света горели возле кровати, очерчивая силуэт человека, полулежащего на кровати.

Мин Чжэнь был одет в простую белую одежду, поверх которой свободно накинут халат, волосы распущены. В руках он, казалось, держал свиток, но взгляд его не был направлен на него, а профиль в тусклом свете выглядел особенно резким.

Услышав шаги, он повернул лицо. Увидев Ли Чжао, эти обычно спокойные глаза согрелись: "А Чжао."

Он заговорил, голос был немного хриплым, он попытался сесть, но движение вызвало боль, и он нахмурился.

"Не двигайся." Ли Чжао почти одновременно с его гримасой произнес это, быстро подошел к кровати, инстинктивно протянул руку, чтобы помочь, но остановился перед тем, как коснуться его рукава, и вместо этого положил руку на край кровати.

"Где ты ранен..." Его взгляд быстро скользнул по лицу Мин Чжэня, слишком бледному, что заставило его сердце сжаться.

Лекарь уже подошел, поклонился: "Господин Мин, я прибыл по приказу Императора осмотреть вас. Прошу вас сесть спокойно и позволить мне проверить пульс."

Мин Чжэнь послушно вытянул запястье, положив его на специальную подушку у кровати: "Благодарю."

Лекарь сосредоточенно проверял пульс, Ли Чжао стоял рядом, не отрывая взгляда от лица Мин Чжэня, пытаясь увидеть хоть тень настоящих чувств под этой невозмутимой маской. Но Мин Чжэнь опустил веки, скрывая все эмоции.

Через некоторое время лекарь убрал пальцы и сказал: "Пульс показывает внешнее воздействие ветра, внутреннее тепло и небольшое нарушение циркуляции крови и энергии. И..."

Он немного помолчал, осторожно посмотрел на халат Мин Чжэня: "Господин, недавно вы получили какие-либо внешние травмы?"

Прежде чем Мин Чжэнь успел ответить, Ли Чжао уже заговорил, его тон не выдавал никаких эмоций: "Лекарь прав. Господин Мин несколько дней назад... неосторожно получил поверхностные раны. Это внезапное заболевание, вероятно, связано с этим."

Лекарь, услышав это, сказал: "Тогда, прошу вас немного повернуться, чтобы я мог осмотреть место травмы."

Под внимательным и сосредоточенным взглядом Ли Чжао Мин Чжэнь медленно повернулся спиной к ним. Он попытался развязать пояс, но не смог сделать это с первого раза.

Взгляд Ли Чжао был прикован к его движениям, когда он увидел дрожащие пальцы, рука у его бока невольно сжалась. Он заставил себя остаться на месте и не помогать.

Халат соскользнул, белая рубашка прилипла к спине. Лекарь подошел и осторожно открыл одежду. Мерцающий свет свечей осветил спину -

Дыхание Ли Чжао на мгновение застыло.

На ранее белой спине виднелись ужасающие черно-синие синяки, запекшаяся кровь смешивалась с темно-коричневыми пятнами и большими участками глубокой синева, создавая особенно шокирующую картину. Раны явно были обработаны и перевязаны, но это не могло полностью скрыть повреждения.

Казалось, воздух застыл. Лекарь судорожно вдохнул, быстро взглянул на внезапно похолодевшее лицо принца Руя и, не осмеливаясь сказать больше, сразу начал осматривать раны.

А Ли Чжао просто стоял там. Все звуки - низкий голос лекаря, приглушенный ветер за окном - казалось, внезапно отдалились. Его глаза видели только эти шокирующие раны.

Каждый синяк, каждая рана была как раскаленный нож, жестоко вонзающийся в его сердце. Гнев, сострадание, чувство вины, жестокость... всевозможные эмоции, как безумный прилив, мгновенно разрушили его защиту, бушуя в груди, заставляя кровь кипеть.

Он вспомнил легкомысленное "впереди еще много времени", с которым Мин Чжэнь покинул дворец...

Пока он был занят делами южного путешествия и планированием различных мыслей, где-то там Мин Чжэнь получил эти раны из-за него.

Он ненавидел себя за невнимательность, он думал, что это всего лишь испытание, он думал, что правый министр, как обычно, ограничится наказанием в виде коленопреклонения в храме предков, как он мог применить такие методы.

Лекарь быстро завершил осмотр, искусно очистил и перевязал раны, аккуратно забинтовал их.

Весь процесс Мин Чжэнь не издал ни звука, только когда порошок коснулся ран, мышцы спины неконтролируемо напряглись, выдавая боль.

"Раны господина серьезны, к счастью, кости и сухожилия не повреждены. Однако есть застоявшаяся кровь, дефицит энергии и крови, нужно регулярно менять повязки и отдыхать некоторое время, нельзя больше переутомляться или получать новые травмы."

После перевязки лекарь осторожно дал указания, выписал рецепты для внутреннего и наружного применения, затем почтительно обратился к Ли Чжао: "Ваше Высочество, можете быть спокойны, я обязательно буду тщательно лечить господина Мин. Среди лекарств, дарованных Императором, есть несколько подходящих для этого случая, я скоро пойду готовить лекарство."

"Благодарю," - голос Ли Чжао был хриплым и сухим, чего он сам не заметил. Он сильно контролировал себя, чтобы тон звучал ровно. "Императору сообщите точный диагноз, скажите, что это срочный случай."

Лекарь, будучи весьма проницательным, сразу понял и поклонился: "Я понял. Если у Вашего Высочества нет других указаний, я пойду готовить лекарство."

"Идите."

Лекарь, взяв свою сумку, бесшумно вышел и заботливо закрыл дверь.

"Клик" - легкий звук, и комната погрузилась в полную тишину. Ли Чжао остался стоять на месте, его взгляд, как прожженный раскаленным железом, был прикован к тому, что снова было скрыто халатом, но все еще выглядело напряженным силуэтом. Мерцающий свет свечей

подчеркивал его напряженную челюсть.

Тихий шорох одежды. Мин Чжэнь повернулся, его движения были немного замедленными. Процесс перевязки пропитал несколько прядей волос на его лбу, очевидно, ему было не так легко, как он показывал.

Мин Чжэнь посмотрел на молча стоящего Ли Чжао, чья аура была мрачной, и протянул руку, притягивая застывшего Ли Чжао вниз.

"Хватит смотреть, садись. На самом деле ты знаешь, здесь есть техника, просто выглядит страшно." Его тон был расслабленным, будто речь шла не о нем.

Ли Чжао позволил ему потянуть себя вниз, но не сел полностью, сохраняя несколько неестественную наклонную позу.

Долгое время напряженный кадык двигался вверх-вниз, прежде чем он нашел свой голос, сухой и хриплый: "Какая техника может заставить кожу лопаться? В следующий раз я попробую."

"Глупости." Мин Чжэнь неодобрительно нахмурился: "Я знаю, тебе больно. Но не делай глупостей, неужели мы будем друг другу перевязывать раны? Представь эту сцену, она не очень красивая."

Ли Чжао хотел подыграть его словам, дернуть уголками губ, как обычно, или ответить остроумной фразой. Но лицевые мышцы были напряжены, как бы он ни старался, в итоге лишь горько дернулся уголок рта.

"Он твой отец, почему..." – это звучало как обвинение, и как самообвинение, "Почему ты не сказал мне раньше?"

Затем он резко покачал головой: "Нет, это не твоя вина... Это я, это я не заметил."

"Никто не бежит навстречу проблемам." Мин Чжэнь прервал его самобичевание, успокаивающе погладил покрасневший уголок глаз Ли Чжао, его движения были полны нежности: "Это не твоя вина, и не вина отца, это спектакль, необходимый для семьи Мин."

"Да." Ли Чжао словно был задет этой фразой за живое: "Так что, в конечном итоге, это потому что я слишком слаб."

Это было почти резкое самоанализ.

"Как ты пришел к такому выводу?" Мин Чжэнь наклонился вперед, обхватив лицо Ли Чжао

обеими руками, заставляя его смотреть прямо в глаза.

"Нет, Ли Чжао никогда не был слабым." Он четко произнес его имя, подчеркивая каждое слово: "Ты отправляешься на южный обезд, ты идешь на эту встречу для знакомства, это цена, которую ты платишь за будущее. А эти раны – это последствия выбора, который мы сделали, которые я должен принять. А Чжао, это не имеет значения."

Но слово "последствия" полностью взорвало Ли Чжао. Он резко наклонился вперед, расстояние между ними резко сократилось, настолько близко, что они могли чувствовать дыхание друг друга. Его глаза, покрасневшие от бессонницы, крепко смотрели на Мин Чжэня: "Это твои последствия? Мин Чжэнь, ты..."

Он хотел кричать, хотел спрашивать, хотел крепко обнять этого человека перед собой, хотел выбежать и спросить правого министра. Тысячи слов застряли в горле, в итоге превратившись в приступ сильного кашля, от которого глаза начали жечь.

Он резко отвернул лицо, глубоко вдохнул несколько раз, заставляя себя успокоиться. Нельзя терять контроль, по крайней мере, не здесь, не перед ним.

Когда он снова повернул голову, большая часть сильных эмоций в его глазах была подавлена, осталась только неисчезающая боль. Он медленно сел на край кровати, движения были такими легкими, будто боялся потревожить что-то, протянул руку, завис в воздухе, хотел коснуться места ран под халатом, но не осмелился опустить.

"Больно?" – спросил он, голос был таким хриплым, что едва узнаваем.

"Терпимо." Он тихо сказал: "Все же легче, чем удары тростью мастера во время тренировок в детстве."

Но Ли Чжао не мог улыбнуться, он закрыл глаза, а когда снова открыл их, больше не пытался коснуться раны, а взял руку Мин Чжэня, лежащую рядом: "Больше такого не будет."

Он опустил голову, глядя на их сцепленные руки, как если бы давал клятву: "Мин Чжэнь, слушай меня. Такое больше никогда не повторится. Кто бы это ни был, по какой бы причине, это недопустимо. Я не хочу, чтобы ты был ранен, и не могу видеть, как ты страдаешь."

Он боялся повторения судьбы.

При виде этих ран холодные и жестокие картины прошлого непроизвольно всплывали – сломанные мечи, окровавленные голуби и возможное полное исчезновение будущего этого человека перед ним.

Этот страх, как пиявка, грыз его разум. Но он проглотил оставшиеся слова. Больше нельзя,

больше нельзя заставлять этого израненного человека тратить свои силы на успокоение его страхов.

Мин Чжэнь молча слушал, чувствуя через ладонь полностью подавленный страх Ли Чжао.

"Хорошо." Он ответил, его голос был не громким, но нес в себе успокаивающую уверенность: "Больше не будет, я обещаю."

Он посмотрел на усталые глаза Ли Чжао, и его сердце словно мягко и кисло ударило о что-то. Больше не говоря, он откинул голову назад, на мягкие подушки, опустил длинные ресницы: "Я немного устал. Хочешь отдохнуть со мной?"

"Тогда отдыхай." Ли Чжао сразу ответил, осторожно помог ему лечь, укрыл одеялом. Он сидел у кровати, не делая никаких движений, продолжая держать руку Мин Чжэня.

Глядя на его неуклюжие, но нежные движения, Мин Чжэнь тихо рассмеялся: "А Чжао, не ложишься?"

Ли Чжао сразу покачал головой, его взгляд был прикован к спине, скрытой одеждой: "Нет. Я беспокойно сплю, боюсь задеть твои раны."

Мин Чжэнь поднял свободную руку и похлопал по свободному месту рядом: "Не волнуйся, я хочу, чтобы ты был рядом."

Ли Чжао замер. Он слишком хорошо знал Мин Чжэня. Обычно сдержанный и контролируемый Мин Чжэнь редко выражал свои потребности так прямо. Эта фраза была скорее не о том, что Мин Чжэню нужна компания, а о том, что он видел беспокойного человека, который хочет быть рядом с ним.

Тишина текла в теплом воздухе. Свечи тихо потрескивали.

В конце концов, Ли Чжао "хм"нул, снял верхнюю одежду и обувь, затем осторожно лег на свободное место рядом с Мин Чжэнем. Он намеренно сохранял некоторое расстояние, думая, что как только Мин Чжэнь заснет, он встанет.

Он больше не говорил, только смотрел на размытые узоры балдахина, а в ушах звучало постепенно становящееся ровным дыхание человека рядом.

Возможно, он действительно был истощен, возможно, эта близость была слишком знакомой и успокаивающей, напряженные нервы незаметно расслабились, а тяжелая усталость, как прилив, поглотила его.

Он сопротивлялся некоторое время, веки становились все тяжелее, дыхание неизвестно когда синхронизировалось с ритмом рядом, становясь глубоким и спокойным.

Убедившись, что дыхание рядом полностью погрузилось в долгий сон, Мин Чжэнь, который до этого делал вид, что спит, медленно открыл глаза.

Он повернул голову и, используя остатки тусклого света свечей за занавеской, внимательно рассматривал спокойное лицо спящего Ли Чжао. Его напряженные брови немного расслабились, хотя губы все еще были плотно сжаты, казалось, даже во сне он не мог полностью расслабиться.

Мин Чжэнь чуть приподнялся, наклонился и, словно бабочка, приземлившаяся, чрезвычайно нежно коснулся губами напряженного лба Ли Чжао.

"Спи хорошо." Он беззвучно шевелил губами, оставляя это невысказанное утешение на краю его снов. Затем он позволил себе снова удобно лечь и закрыл глаза, не размыкая рук.

<http://bllate.org/book/17167/1608894>